

Секция «Журналистика»

Разговор с Сократом. Личность и философия Сократа через призму современности

Юдов Максим Александрович

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет журналистики, Москва, Россия
E-mail: attraversamento@yandex.ru

Нравственный кризис 20 века вряд ли можно считать завершившимся после распада тоталитарных систем. Различного толка постгуманистические проекты вновь и вновь ставят перед человечеством сложнейшие вопросы, на которые не всегда способна ответить европейская традиция философствования. Карл Поппер в своей знаменитой работе «Открытое общество и его враги» убедительно показал связь тоталитаризма с проектом Платоновского "Государства". Выявление этой связи с неизбежностью толкает нас к пересмотру всей европейской философии. С другой стороны, опыт 20 века с ясностью показывает опасность сбрасывания авторитетов и распада традиционных иерархий культуры. Радикальный пересмотр европейской традиции философствования, маркированный именами Маркса и Ницше, казалось бы, должен был, наконец, освободить человека, но, напротив, стал импульсом к формированию тоталитарных систем.

Пересматривая культурный текст, мы не имеем возможности рассматривать его абстрактно, отдельно от целостности человеческого бытия, а вынуждены искать его связь с человеческим и личностным. В поиске этого живого, недогматического начала мы и обращаемся к Сократу.

Сократ не оставил после себя ни текстов, ни философской школы, ни какой-либо философской системы. Сократ оставил множество учеников, учения которых противоречат друг другу, за которых, сам же он не ручался. По большому счёту, философии Сократа мы не имеем, но о Сократе всегда говорим как о перевернувшем философскую традицию и разделившим историю философии как бы на две эпохи. Вслед за Ж.Деррида мы встаём перед вопросом: а был ли вообще Сократ? Не имея возможности проверить, как это было *на самом деле*, необходимо признать существование его внутри самой традиции философствования, во всяком случае, в качестве некоторого мифа, необходимого для её функционирования.

Кризис субстанционалистской философской традиции и связанный с ним кризис авторства заставляет нас обращаться к Сократу, Платону и Аристотелю. Сопоставив Платона и Аристотеля, с одной стороны, и Сократа, с другой, мы обнаруживаем принципиальное, я бы даже сказал, разительное их различие. Павел Флоренский в лекции «Личность Сократа и лицо Сократа» указывает на то, что от Сократа, от которого не осталось ничего от собственно философии, в традиции философии осталась *личность*, соединяющая в некотором интимном единстве идеальное и материальное. Если Сократ делает всю свою жизнь диалогическим философствованием, поиском мудрости, то Платон и Аристотель — фиксацией мудрости уже существующей: Платон — Сократовской, Аристотель — общечеловеческой.

Принято считать, что Сократ, узнав от оракула, что он мудрее всех, отправляется к людям, дабы, в процессе спора открыть универсальную мудрость *внутри* собеседника: «Для Сократа истина – это то, что нам дано, а не то что создаётся в процессе диалога, в этом его отличие от Фрейда и от Хайдеггера» (Энафф 2006). Предполагается, таким образом, что Сократ априорно уверен в том, что знает природу истины.

Прежде, чем понять слова бога, Сократ становится перед необходимостью понять, что есть мудрость. Потому он отправляется говорить с теми, кого люди считают мудрецами. Дабы понять, что есть мудрость, Сократ обращается не внутрь себя, а наружу, во внешний мир, как бы доверяясь этому миру, доверяясь представлению о мудрости множества людей. Познание природы мудрости оказывается не познанием мудрости *вообще*, а диалогическим поиском этой мудрости в мире, соотнесении собственной мудрости с мудростью во внешнем мире. И только в процессе познания, Сократ открывает, что люди, в сущности, не мудры, но и тогда не прекращает своего поиска. Если Платон и Аристотель ищут предельного, то Сократ не ограничивается в своём поиске, собираясь и после смерти «проводить время в том, чтобы распознавать и разбирать тамошних людей точно так же, как здешних, а именно кто из них мудр и кто из них только думает, что мудр, а на самом деле не мудр» (Платон 1968).

Жизнь Сократа — отнюдь не произвольный диалог с окружающим миром, а целенаправленный поиск себя самого, своего места в мире, запущенный данным богом знанием как некоторым *первичным текстом*. И, с другой стороны, поиск себя самого в мире не реализация собственной воли по отношению к этому миру, а процесс познания мира и *вживания* в мир. Жизнь Сократа предстаёт, как поиск своего *места*, откуда он уже будет неустрашим как неперемнная *уместная* часть бытия. И место это, конечно, не субстанциально, а подвижно и процессуально.

В свете сказанного становится понятнее природа внутренней свободы Сократа. Однако традиционное сопряжение внутренней свободы Сократа с мудростью как *основанием* этой свободы, как некоторой имманентной человеку универсальной субстанцией сталкивается с личностью Сократа.

Исключительная актуальность проблемы внутренней свободы Сократа, его взаимоотношений с полисом, мирозерцание которого было конструктивно *публичным*, связана с глубоким кризисом того, что следует назвать европейской *системой публичности*, которая в публичную сферу внедряла универсальное и, так сказать, «изгоняла» частное и связанная с ней профанация европейской идеи личности. Мир после «восстания масс» больше не хочет видеть универсального над собой и эта лакуна заполняется низким и частным — преимущественно конструктами и сценариями массовой культуры.

Сократ сохраняет собственную личность и гибнет как личность. Ему хорошо известна мера человеческих возможностей, но своей гибелью он не вписывает себя в род, полис, космос, как поступает античный герой, а остаётся *собой*. Сократ становится тем первым в античности человеком, кто играет *собственную роль*.

В последней речи философ, ломая изнутри жанр апологии, ломая сам сценарий, принципиально вторичный по отношению к человеку, превращает защитительную речь в свой, смиренный, ироничный и свободный сократический диалог.

Если попытаться вычленить из философии Платона философию Сократа, то от неё ничего не останется. Познание личности Сократа оказывается возможным лишь через бесконечное диалогическое погружение в философию Платона. А если вслед за Уайтхе-

дом признать, что «вся европейская философия представляет собой ряд примечаний к Платону» (Whitehead 1960), то перед нами открывается совершенно необозримая перспектива свободного, человеческого разговора с Сократом.

Литература

1. Платон. Собрание сочинений в 3 томах, Том 1. М., 1968
2. Энафф М. Сократ и Фрейд: дар слова и цена истины // журнал «Credo», 2006, 2 (46)
3. Whitehead A. N. Process and Reality. New York, 1960